

ШКОЛА, КОТОРАЯ МНЕ СНИТСЯ

В. Ланцберг, поэт и педагог

Всегда старался приносить больше пользы, чем вреда. Поэтому в какой-то момент, поняв, что не справляюсь с накопившейся усталостью, добровольно подал в отставку с поста педагога-организатора счастливой жизни детей по месту жительства.

На новой работе, спокойной и неторопливой, стал потихоньку думать: ну, клуб. А что дальше? Действительно, все самые завидные идеи, связанные с детским клубом, были реализованы. На этом уровне проблем не осталось. А другой уровень — это что?

Через год начала сниться школа.

Нет, ночные кошмары ни при чём: поспать я люблю и в это святое время ничего подобного не допускаю. Она стала являться днём, но это было похоже на сон. С тех пор каждый день пытаюсь в неё проникнуть, что-нибудь новое узнать, понять что-нибудь.

Почему

Потому что ту, которую с детства знаю как облупленную (впрочем, почему «как»?), в микрорайоне можно было отыскать по запаху туалета.

Потому что в третьем классе благоговение ушло, в пятом начал тяготиться, в седьмом бунтовал против классной дамы, а начиная с девятого, школа просто про-

ходила мимо сознания. Получив медаль, особой радости не испытал.

Потому что в 17 не знал, чего хотеть, в 20 — учился чему попало, в 25 — работал абы как, в 30, наконец-то найдя своё, переучиваться не стал: отвращение к учёбе было старое и фундаментальное.

В принципе, неплохо всю жизнь помнить, что шесть семь — сорок два, и как выглядит в рамочке закон Архимеда, и что водород одновалентен, а пестик — мама, а мама — пестик, но ведь дело-то не в этом!

А тебе говорят — нет, в этом! Твоё дело — в рамочке. А какой ты при этом пионер или товарищ по играм, каким будешь токарем, мужем, начальником, депутатом — какая разница! Не школино нынче это дело.

И ещё. Занимая всевозможные посты в официальной школьной иерархии, я оставался никем, ибо к жизни эта иерархия никакого отношения не имела. Я научился быть никем и долго ещё им был.

Многие мои одноклассники могли бы стать отличными пиратами, но экипажа бы из нас не вышло. Боюсь, если вообще что-то вышло, то во многом не благодаря, а вопреки.

И вот я размечтался о новой школе.

Зачем

Чтобы всё-таки выходило благодаря. Что для этого нужно? Во-первых, помочь кристаллизации личности. Без неё, лич-

ности, сегодня неинтересно, а завтра — невозможно. Школа должна быть заповедником личностей (знаете, как Пушкинский заповедник — отстрел Пушкиных строго воспрещён). Взрослых личностей хорошо бы побольше, и притом — самых симпатичных. И чтобы каждую из них можно было осмотреть и пощупать, дабы понять, к чему стремиться.

Школа должна иметь питательную среду для той самой кристаллизации, обеспечить процесс технологической оснастки.

Во-вторых, предоставить выбор. Личность, до шестнадцати побывавшая художником, ветеринаром, программистом, токарем, агрономом, поваром, актёром, географом, шофёром, фотографом, переводчиком, имеет больше шансов выжить, совмещая полезное с приятным.

В-третьих, научить учиться. Пользоваться библиотекой, работать с картами, схемами, номограммами, ориентироваться в справочниках, общаться с компьютером. Потом будет легче переучиваться, что не вредно раз в несколько лет.

В-четвёртых, научить хотеть. В конечном счёте — хотеть быть человеком (в этом месте профессионалы что-то говорят о воспитании). И иметь всё для этого. И уметь всего этого достичь, для чего нелишне знать реальную жизнь, ориентироваться в пространстве добра и зла.

Такой школе нужен Учитель. Хотелось бы, кстати, запретить это слово в школьном обиходе, оставив его в качестве почётного звания, присваиваемого учеником тому или иному старшему товарищу не ранее, чем это станет его, младшего товарища, жгучей потребностью.

И всё же — школа Учителя, школа Личности.

Учитель

В первый класс можно прийти в 7 лет, а можно и в 6, и в 5 — и оказаться всем в одном классе. Что касается аттестата — вовсе не обязательно тянуть волюнку до семнадцати: сумел раньше — получай!

Такое разное ВОСПИТАНИЕ

Тебя зачислят в группу Марь-Иванны, но если ты, разобравшись, кто есть кто, захочешь перейти к Иван Петровичу — просись к нему. Скажет: «Я тебя, шалопая, знаю, мне такие ни к чему», — обещаешь, что будешь хорошим, но уж тогда не подведи. И будет Иван Петрович твоим учителем с пяти и до семнадцати, если только ты сам в нём не разочаруешься либо ещё почему-нибудь судьбе станет это неуютным. И будет он проводить с тобой не столько времени, сколько со мной мой любимый учитель физики — по два часа в неделю, — а столько, сколько нужно, чтобы дать тебе всё, в чём сам силён, — из учебной программы и сверх неё, уступая место коллегам лишь за пределами своих возможностей. Но во все двери он пригласит тебя сам, лично, сделав так, чтобы ты, уважая его, проявил интерес ко всему, на что он укажет. Это его трудности, в этом его искусство.

В какой-то момент, взвинтив любопытство класса, он вдруг сознаётся: «В этом я, братцы, профан. Сбегайте кто-нибудь к Светлане Сергеевне — она в данной области корифей — и узнайте, сможет ли она (и когда) уделить нам время по такому поводу. Заодно и я послушаю».

Интересные в этой школе учителя! Иван Петрович ведёт класс с физическим уклоном (раньше работал инженером), а Виктор Алексеевич — с математическим, заодно может обучить программированию (ещё бы: профессионал!). Людмила Владимировна по «уклону» — биолог, а «в миру» была агрономом. И так каждый.

Но это ещё не всё. Иван Петрович собирает марки и неплохо импровизирует джаз, Людмила Владимировна ездит на семинары по проблеме SETI — контактов с внеземными цивилизациями, даже доклады делает, а Виктор Алексеевич каждое лето берёт всех желающих на археологические раскопки.

Но если кто живая энциклопедия, то это Клавдия Евгеньевна. Только ребята от неё почему-то уходят. Набирает новых — и от тех вскоре ничего не останется. Что с ней делать?

Урок

В классе, в лаборатории, в холле (в мягких креслах, у камина? А почему бы и нет?), на поляне в лесу, у Иван Петровича дома (почему-то он совсем не боится директора).

Утром, днём, ближе к вечеру — как захочется, как удобней. Звонков нет. Продолжительность? Когда как. Поработали полчаса с полной выкладкой — стоп, хватит. А в другой раз увлеклись настолько, что через час Иван Петровичу пришлось давать команду — побегать-попрыгать, прежде чем продолжить (вообще он старается чередовать бегом с сидением, музыку с математикой). В третий раз что-то с самого начала не пошло. Отставить, займёмся чем-нибудь другим, а для этого выберем более подходящий момент.

Тема «Электрические магнитные поля» — «конёк» Иван Петровича: он интересуется парапсихологией, полтергейстом и вообще всякой диковинной энергетикой. Всерьёз считает, что Христос, если он вообще существовал, был экстрасенсом. Но при этом всё время повторяет: «Прошу учесть, это моё личное мнение. Пётр Иванович, например, считает всё это ерундой собачьей и, возможно, в чём-то прав».

Кончается дело тем, что оба они садятся в холле у камина в мягкие кресла и в их спор втягивается ещё сорок человек. Хотя, конечно, ничто таким спором не кончается, и истина также не родится. Ты слышал разные точки зрения — вывод делай сам.

Есть классы и уроки несколько необычные. Алевтина Игоревна и Виталий Алексеевич ведут сдвоенный класс и многие занятия проводят вместе. Вечно спорят, но это даже интересно. В чём-то лучше ориентируется он, в чём-то — она. Вообще в школе работают

несколько семейных пар, и, что приятно, счастливых. Ну, конечно, на уроках не целуются, но смотришь на них с завистью. И обстановка какая-то домашняя. Поневоле призадумаетесь...

А уроков на дом не задают. Совсем. Да и когда их делать-то? В школе ты с 9 утра до 6 вечера, а не выгоняли бы — и ночевал там.

А что? Бывает, класс увлечётся и решает: работаем и субботу, и воскресенье — пока тему не добьём! Если родители и учитель не против — проблем нет! Вообще-то в школе пятидневка, но если класс или учитель устанет — можно отдохнуть и в будни. Родители на работе? Ничего, в школе есть «группы свободного дня» — что-то вроде продлёнки, только с утра до вечера. Игры, кружки, экскурсии, библиотека...

Разнообразие

Спортзал, бассейн, футбольное поле, теннисный корт, трек для картинга...

Изостудия, хореографическая, комнаты ансамблей и театров, репетиционный зал, студия звукозаписи...

Фермы, теплицы, плантации, зимний сад...

Столярная, слесарная, радиотехническая, механическая мастерские, кузница, швейное ателье, кулинарный цех...

Фотокинолаборатория, конструкторское бюро, астрономическая обсерватория, вычислительный центр...

Где-то в горах — туристский приют, тоже школьный. Можно, возвращаясь из похода, стать на днёвку. Тут же Геннадий Андреевич, сам-пятнадцатый, — с классом на три дня на этюды.

Собственно, приют — по совместительству. А так — этнографический кабинет, краеведческий музей. Несколько домов,

все разные, в каждом — свой национальный быт. Что-то подарено учёными, что-то сделано своими руками. Прялка, посуда, жернова, дудочки, гармоника, соха...

На следующей неделе будет репетиция фольклорного ансамбля, а всю прошлую орлы и орлицы Виктора Алексеевича вникали в историю ремёсел — пряли шерсть, ткали холсты, огонь трением добывали, питались исключительно подножным кормом. Хотя есть и кухня, и запас продуктов — Сергей Васильевич, смотритель, заботится.

Статус

Кому ты нужен в пять лет?

Оказывается, этой школе.

Дело даже не в том, что к пяти ты уже знаешь кое-что о жизни (например, что включённый паяльник может обжечь, незнакомый прибор легко сломать, драться и обзываться нехорошо, обманывать и ябедничать подло) — и, значит, с тобой можно кое о чём договориться, а в рамках уговора предоставить тебе свободу действий.

Дело ещё и в том, что в пять ты уже можешь учиться вышивать и фотографировать, паять и гвозди забивать, да мало ли ещё чего. Ну и, конечно, читать, писать, считать.

В шесть, если захочешь, будешь выдавать самую настоящую товарную продукцию, и заказчик, взрослый дяденька, будет приходить не к директору школы, а к тебе и вести с тобой переговоры в уважительном тоне.

Правда, чтобы фотографировать, нужно знать цифры и даже иметь представление о десятичных дробях. Но в шесть лет это совсем не сложно, все мои знакомые ребята это знают. А чтобы спаять мигалку или пиццалку («сигнальное устройство»), надо знать, откуда берётся электрический ток, как устроен атом. Но это же так просто! Вы рисуете на асфальте круги — и вот уже электрончики водят хороводы вокруг протонов и нейтронов, перебегают от атома к атому, чтобы замкнуть круг. Эй, идите сюда, нам нужны седьмой и восьмой электроны! Вот так, руки сцепили. А что

Такое разное ВОСПИТАНИЕ

у вас, осталось одно ядро? Ну, держитесь к нам поближе, чтобы не скучно было!

Года через четыре, по другому случаю, игра повторится, но будет произнесено слово «валентность». Химия вступит в свои права. Если только это не произошло раньше.

И окажется, что едва ли не вся учёба идёт «по поводу», а поводом является дело. Ты выбрал интересное (и нужное!) дело, а оно требует знаний. И ты учишься не потому, что это всем положено по тотальному закону, и не для того, чтобы под старость вернуть Родине долги. Ты уже сейчас платишь обществу взаимностью и имеешь все основания для гордости.

Тебе шесть лет, ты пишешь печатными буквами (так красивей, правда?) инструкцию для заказчика: «В сеть не включать». Посмотрит Иван Петрович твою инструкцию, вздохнёт незаметно и скажет: «Вообще-то «ча» и «ща» пишутся с буквой «а». Будь добр, перепиши, да не забудь восклицательный знак в конце! Перепишешь, принесёшь, а он спросит: «Ну так как пишутся «ча» и «ща»? А потом возьмёт тетрадку (у него на каждого из ребят такая имеется), раскроет её на нужной странице — класс такой-то, предмет такой-то, тема такая-то — и поставит тебе зачёт, а ты и знать не будешь. Или будешь — какая разница! Разве дело в зачёте или в оценке? Кому она нужна!

Дело не в оценке, а в том, что есть Дело. И тебя в 10 лет уважают как взрослого. И в классе все по очереди командиры — и ты в том числе. И все важные решения принимают сами ребята — и ты в частности. И к 10 годам у тебя уже солидный стаж руководящей работы, а к 17 тебя «пасут» все начальники отделов кадров района — чтобы ты пошёл именно к нему, а не к другому.

Так и быть, ты пойдёшь к нему, но попросишь часок обождать. И совершишь прощальный обход, и в кабинете директора узнаешь селектор, сделанный тобой в шестом классе: в школе, где половина оборудования сделана тобой, никогда ничего не ломается.

Среда

Собственно, это и не школа даже, а нечто вроде клуба. Класс формируется практически на добровольных началах. Да и компания учителей трудовым коллективом обзывать язык не поворачивается: прежде всего это дружеский круг единомышленников, тоже вроде клуба. А как же иначе? Чего хорошего можно ждать от обычного нашего серпентария с его взаимной завистью, грызнёй за часы, за удобный режим, за послушный класс?

Я хочу работать в кругу друзей; к нам должны слетаться прочие наши друзья — просто во время отпуска для души повозиться с ребятами, поделиться частью богатства своей личности. Ведь только когда яблоками обмениваешься — при том же и остаёшься.

А ещё в этой школе даже стены говорят человеческими голосами, и не выморочными, а живыми, ироничными. Самый крупный лозунг в вестибюле: «Образование — это движение от самоуверенности к нерешительной задумчивости». По стенкам — вредные советы:

«Если вы нарвали яблок
У соседа в огороде
И не знаете, куда бы
Их на время положить,
Не давайте их соседу —
Он не скажет вам «спасибо».
Съешьте вы их лучше сами
Потихоньку за углом».

А также цитаты из речей любимых педагогов:
«Тяжело жить с деревянной головой!»
И т.п.

Карусель

Всё-таки прежде всего я учитель. Не преподаватель, не инструктор, а наставник. Главное для меня — не зачёты, не товарная продукция, а судьбы. И это означает всего-навсего, что и дома ночью я буду думать о ком-нибудь из них, у кого в жизни не всё в порядке. Ненормированный рабочий день. Ненормированная рабочая ночь. Собственно, это и есть норма.

А бывшее здание 5-й туапсинской школы уже десять лет всё никак не отремонтируют, чтобы передать Дому пионеров, живущему в избушке на курьих ножках. Трубы поменять, крышу перекрыть — не проблема. Стены в коридорах выровнять не удаётся — сплошные вмятины, целые ниши. Я там работал — видел: мужественная женщина, зам. по внеклассной работе, хватает восьмиклассника за оба рукава и впечатывает в стенку (тут вмятина и образуется). А пока он приходит в сознание, она успевает привычно, как таможенник, его «обшмонать». Иногда удаётся найти спички или курево.

Я так думаю, детей она уже видеть не могла. А что делать? Куда ей от них деваться, куда из школы уйти? Что она о жизни знает (школа — педвуз — школа), что умеет? Ну перезимует в киоске «Союзпечати» подлечит нервы, придёт обратно — ан место занято!

Это мне в моей школе хорошо: ну, во-первых, я за неё не держусь, у меня, как сказано выше, ремесло есть, я в другом месте ещё и побольше заработаю. А не захочу уходить — поменяюсь местами с заведующим фотолабораторией. Он с классом начнёт работать, а ко мне своих ребят по мере надобности присылать будет.

Дело в том, что все наши агрономы, астрономы, смотрители — «играющие тренеры». Таково условие: любая подобная «офицерская» должность — библиотекарь,

методист, мастер, кружковод — кроме всего прочего ещё и экологическая ниша для уставшего педагога. Такой способ социальной защиты.

Штаб

Кстати, о методистах. Их несколько. Они проживают всю полезную информацию (из книг, журналов, телепередач, с конференций и семинаров), выдают таковую же вовне — всем заинтересованным.

Ведут огромную картотеку — какую тему каким способом лучше раскрыть: играми, примерами из жизни, электронными схемами и пр.

Ещё одна область их деятельности — психология, в том числе социальная. Помощь в формировании класса, прогнозирование его развития, возможных конфликтов, оценка степени усталости педагога, индивидуальная психологическая помощь, профориентация...

Скучать некогда!

Прелюдия

А что дети делают до пяти? Как и все, ходят в детский сад. Но тоже не в обычный. О нём — отдельный разговор. Скажу только, что в группах там, как и в школьных классах, ребята разных возрастов, и воспитатели больше похожи не на надзирателей, а на товарищей, и мужчины среди них — не редкость. А у ребят масса интересных дел.

Такое разное ВОСПИТАНИЕ

Альтернатива

Идиллию моего заведения нарушает зав. РОНО. Сам пришёл. Интересно, зачем я ему понадобился?

Как ни в чём не бывало достаёт из своего «дипломата» огромных размеров ключ. Похоже, из чистого золота.

?

«Я по поручению, так сказать, прогрессивно настроенной части педагогов школы твоего, Вова, посёлка. Они просят тебя пойти к ним директором.

А монтировки в Вашем чемоданчике нет?»

?

«По поручению, так сказать, традиционно настроенной части. Равно как и родителей... Всё же — привычный порядок, какие-то гарантии, всё ясно-понятно...

Чего ты хочешь?»

— Чтобы в одном посёлке были две школы, и в одной всё как положено, а в другой — как во сне. И пускай «клиент» голосует ногами.

— Ну, брат, знаешь ли...

И растворяется в воздухе. **В.Ш**

